

Моя жизнь в красно-белом

Автор:

[Арсен Венгер](#)

Моя жизнь в красно-белом

Арсен Венгер

Биографии выдающихся людей

В мире есть только один Арсен Венгер – и впервые на русском языке выходит история его жизни, рассказанная им самим.

Третий иностранный тренер в истории английского футбола, француз Арсен Венгер в 1996 году возглавил лондонский клуб «Арсенал». Никому не известный в начале, Арсен смог сделать из «Арсенала» легенду, сыгравшую серию из 49 беспроигрышных матчей. Под руководством Венгера многие клубы одерживали победу, но ни одна команда не занимала столько места в его душе, сколько занимал «Арсенал».

В своей автобиографии Арсен Венгер рассказывает о футболе, который он исповедовал, о своем стиле игры и опыте тренерства, которому он посвятил тридцать семь лет жизни. С упорством философа Венгер пытался познать истину игры и своими открытиями он делится в этой книге. Вдохновляющая история страсти к футболу, рассказанная бывшим игроком и тренером, приоткрывает завесу настоящего спорта.

Эта книга обязательна не только для болельщиков «Арсенала», но и для всех фанатов футбола. Она будет полезна руководителям и всем, кто ищет ключ к успеху в работе и в жизни. Книга прольет свет на жизнь одного из легендарных тренеров, раскрывая его взгляды и мудрость, сделавшие его культовой фигурой самого популярного в мире спорта.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Арсен Венгер

Моя жизнь в красно-белом

Arsène Wenger

Ma vie en rouge et blanc

© 2020 by Editions JC Lattes

© Cover photo © John Peters/Manchester United via Getty Images

© Бавин, П., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

«Но всё прекрасное так же трудно, как и редко».

Спиноза. «Этика»

«Стараться дать людям сознание своего величия, которого они в себе не замечают».

Андре Мальро. «Искушение Запада»

Я покинул «Арсенал» 13 мая 2018 года.

Двадцать два года этот клуб был всей моей жизнью – моей страстью, моей постоянной заботой. Благодаря «Арсеналу» я смог выстроить работу тренера так, как этого хотел: мне удавалось влиять на жизнь игроков, ставить свой стиль игры и одерживать красивые победы. Я располагал свободой и властью, которых нет у нынешних тренеров.

После этих мощных, незабываемых, невероятных лет было сложно покидать клуб, оставляя в прошлом эти возможности. «Арсенал» всегда будет неотъемлемой частью меня: когда я рассуждаю о нем, то говорю «мой клуб». И пусть сегодня он в руках другого человека, я все равно с любовью думаю о его болельщиках, об игроках, отобранных, сформированных и подготовленных, чтобы отдать игре самое лучшее. Меня интересуют люди в игре и чудесные минуты, которые переживают те, кто любит футбол, кто отдает ему все. Выигранные матчи – драгоценные воспоминания, проигранные матчи я не рискую пересматривать, но и они преследуют меня даже много лет спустя: что надо было делать? что пошло не так? Я увлекающийся человек, и это увлечение не проходит.

Когда я приехал в «Арсенал», в Англии ничего обо мне не знали. Вопрос «Арсен... Кто?» звучал постоянно. Это я понимал. Я был третьим иностранным тренером в истории английского футбола, и два первых опыта закончились неудачно. Англичане изобрели футбол так же, как французы – вино. Вы же не приглашаете англичанина приехать в Бордо и делать там вино. На протяжении 22 лет, проведенных на острове, моей целью была победа истины игры, истины футбольного поля. К тому моменту я пережил уже победы и поражения, разочарования, вспышки гнева, уходы, общение с великолепными игроками, но ни одна команда не занимала столько прочного места в моей душе.

Клуб заметно изменился, и я изменился вместе с ним. А вместе с нами – и футбол в целом. Тот футбол, что я исповедовал, те условия, в которых я мог удовлетворять свою страсть, та свобода, которую мне давали, столь долгий срок во главе клуба – всё это практически исчезло. Я не уверен, что сегодня игрок, оставшийся без клуба до 14 лет и без тренера до 19, сможет пробиться из чемпионата департамента в Лигу 1, сыграть столько матчей и пережить столько приключений. Еще больше у меня сомнений в том, что сегодня тренер может управлять такой командой, как «Арсенал», как это делал я: свободно подбирать игроков с полным вовлечением в процесс. Это была удача и обговоренная жертва.

За последние годы футбол пережил грандиозные преобразования. Некоторые из них меня неприятно поражают.

Появление иностранных владельцев у клубов и социальных сетей с их требованиями и злоупотреблениями, одиночество и усилившееся давление на игрока и тренера в связи с повышенными ожиданиями. Множество изменений в организации времени до и после матча. Особенно в вопросе рационального анализа игры. Не меняется только одно: девяносто минут принадлежат одному королю – игроку.

В Европе нет больше доминирования трех клубов – «Баварии», «Реала» и «Барселоны». Другие команды подтянулись до их уровня.

Аналитики заняли очень важное место, уже начиная с перерыва между таймами. Они позволяют лучше понять игру, получить объективные критерии матчевого анализа, тогда как раньше все отдавалось на откуп субъективной оценке тренера. Однако именно тренер должен остаться единственным человеком, принимающим решения.

Статистика и наука должны быть составной частью анализа игры футболиста, но их следует использовать, только обладая глубоким пониманием игры. Последние исследования показывают, что игроки деморализованы количеством приводимых цифр, потому что им кажется, что они теряют свою индивидуальность.

Тренер сегодня более чем когда-либо отвечает за результат, но при этом у него не всегда есть средства влиять на все принимаемые решения. А комментаторы в своих оценках постоянно преувеличивают: «Он гениален», «Он ничтожество»...

Зачастую мы наблюдаем за подобными изменениями, не вдумываясь в них, придерживаясь своих прежних убеждений. Сегодня я выбрался из пузыря и все предстало в ясном свете: неоправданные нападки, преувеличенные комментарии, одиночество тренера... Каждый день, я читаю L'Equipe, смотрю матчи – два-три в день – слушаю и спрашиваю себя, насколько все произносимое справедливо, почему случилось то, что случилось, в чем сегодня кроется истина игры. И все эти вопросы я могу задать относительно своей жизни, своих увлечений, своей страсти.

Я наблюдаю за этими трансформациями, размышляю над ними, и футбол предстает перед моими глазами таким, каким он и должен быть: в матче может произойти все что угодно, играют по 90 минут, прекрасные действия, немного удачи, таланта, смелости и немного магии и исследования для зрителя. Игра вызывает эмоции, воспоминания, дает жизненные уроки.

Футбол живет под давлением результата. Необходимо уметь отступить на шаг, анализировать с большого расстояния. Развитие клуба должно опираться на три элемента: стратегия, планирование, исполнение.

Я играю с самого детства. Я прошел через любительские клубы с игроками и тренерами, которые исповедовали великолепный футбол, живо реагировали на все матчи, говорили только о футболе, могли проехать на поезде через всю Францию в вагоне второго класса, чтобы сыграть матч, вернуться рано утром в Страсбург и пойти работать на завод. Они не жаловались и не ожидали ничего, кроме возможности сыграть и выиграть следующий матч. Эти игроки остались моими друзьями, а эти тренеры были моими наставниками. Они были фанатиками, но реалистами и умели зажигать других своей любовью к игре.

Для меня и сегодня игра – это счастье. Как и все, кто играл в футбол на любом уровне, я возвращаюсь эмоциями в детство.

И сегодня день без футбольного матча мне кажется пустым. За последние несколько месяцев случилось так, что я пропускал по телевизору матч своих любимых команд или матч, который мог бы быть интересным. Мне нравится смотреть за игрой многих команд, потому что я продолжаю учиться, думать, прогрессировать в своем понимании игры и всего того, что можно предложить игроку для его совершенствования. Но иногда вместо священного времяпрепровождения с футболом я провожу вечер с дочерью или с друзьями. Раньше это было невозможно. Сегодня я живу более мирной жизнью, и ее красота открывается моим глазам: пейзажи, города, например Париж, где я бываю все чаще и чаще.

На протяжении 35 лет я вел образ жизни профессионального спортсмена высшего уровня, поглощенного своим увлечением. Я не ходил в театр, не ходил в кино, я не обращал внимания на окружающих людей. На протяжении 35 лет я не пропустил ни одного матча, ни одного финала, ни одного кубка. Это подразумевало жизнь в условиях железной дисциплины, которую я продолжаю соблюдать: подъем в 5.30, зарядка, тренировка, завтрак и напитки, как у моих

бывших игроков. Я уже не знаю, осознанный ли это выбор или поработившая меня привычка. Но это мой единственный образ жизни. Без этого я чувствовал бы себя несчастным. Если счастье заключается в том, чтобы вести ту жизнь, которая тебе нравится, то я могу сказать, что был счастлив в прошлом и счастлив сегодня.

На протяжении всех этих лет единственное, что имело для меня значение, – это ближайший матч и его результат. На протяжении всех этих лет я хотел только побеждать. Мое время и мои мысли были заняты этой единственной целью. Я существовал только там, на футбольном поле. Оказываясь рядом с другими людьми, со своими близкими, мыслями я был в другом месте. Я не видел ничего или видел все в красно-белом фильтре: в цветах всех команд, которые я тренировал: «Нанси», «Монако», «Нагоя» и «Арсенал». Я не знал ни красоты, ни удовольствия, ни расслабленности. Идея взять отпуск, приятно провести время если и приходила мне в голову, то ненадолго. Даже ночи были заполнены футбольными снами. Мне снились будущие матчи, советы, которые я могу дать, те два-три игрока, в которых я всегда сомневался: заставить их играть немедленно, не удерживать их, смягчить раздражение, продолжать мотивировать. Они были моими призраками.

Я часто в шутку говорил друзьям, что единственный наркотик для меня – это трава, та самая трава стадионного газона, которая может изменить судьбу всего матча. Я с маниакальной настойчивостью заботился о ней в «Арсенале», каждое утро обсуждал ее состояние с клубным агрономом. Друзья смеялись, но это правда. Это мой наркотик. После ухода из «Арсенала» я отказывал тем клубам, где, как я полагал, я не получу той же свободы и той же власти. Я принял предложение ФИФА, потому что это был новый вызов, действенный способ обдумать свою карьеру и поработать в команде. В ожидании возможного обретения рая и ада тренерского ремесла.

Я хочу поделиться своими знаниями, всем, чему я выучился за годы в спорте. Я хочу передать эти знания тем, кто любит футбол, кто его знает, но также и тем, кому еще чужды мощь и красота футбола, тем, кто задается вопросом, как приводить людей к победам, чему поражения учат тебя и других. Мне нравится структурировать знания о нашей игре по всему миру, в какой-то мере способствовать тому, что, где бы человек ни родился, его талант был бы замечен и получил развитие.

Сегодня место бывших игроков заняли другие призраки, и во снах уже нет места будущим матчам.

Несколько месяцев назад вслед за сестрой умер мой брат Ги. Он был старше меня. Старше на пять лет. Он начал играть в футбол раньше меня, и именно он был моим первым партнером: в комнате над ресторанчиком родителей, на улицах нашей деревни и в футбольном клубе Дюттленхайма. Тогда я мечтал о наших совместных дебютах, о моментах, когда на карту будет поставлено все. Я был самым младшим, но самым упорным. Я дрался за то, чтобы играть с братом и его приятелями.

Детские сны о том самом Эльзасе, где я всегда чувствую себя дома и где сформировался мой характер. Те сны, в которых я слышу только эльзасскую речь. Те сны, которые уносят меня туда, где все началось.

Глава 1. Мальчик, мечтавший о футболе

Я всегда ощущал силу своих желаний, но не понимал, где источник этой силы. А он вне всяких сомнений, находится в той эльзасской деревне, где я вырос – в Дюттленхайме, в нескольких километрах от Страсбурга. Сегодня этой деревни уже не существует: прошли годы, и все преобразилось. Я сын другого века, другой эпохи. Знакомые улицы, на которых я впервые сыграл в футбол, воспитавшие меня люди, среди которых я вырос, футбольные поля, где принимал соперников наш клуб, дух, царивший в этих местах, образ взросления детей – изменилось все. Это была деревня земледельцев, где королевой была лошадь. И стояли три кузницы. Сегодня ничего этого нет.

Я родом из той деревни, которая ощущала себя островом. И то, каким я стал: игроком, тренером, человеком, думающим только о футболе, – все обусловлено духом тех мест, выковано моими односельчанами.

В то время моя деревня, как и другие подобные ей, была замкнута в себе и подчинялась религии. Люди знакомились и обращались друг к другу по фамилии. А мы были «Метцами». Жизнь проходила на крохотном пятачке между бистро, школой, церковью, мэрией, лавками и стадионом в двух километрах от вокзала, куда никто и никогда не ходил: зачем покидать остров, мир,

основанный на взаимопомощи? Вокруг деревни были поля, где я проводил много времени, особенно по выходным и в каникулы. Там я научился пахать, доить коров, как это делали мои деды и друзья моих родителей. В этом крестьянском мире почиталась и ценилась физическая сила. Все мужчины, которых я знал, работали на земле и жили этим трудом. Я их обожал. Разумеется, люди жили скудно. Основу сельского хозяйства составляли табак, пшеница, рожь, свекла и картофель. Наше сельское хозяйство не знало трактора. Первый трактор появился в деревне, когда мне было 14 лет, в 1963 году. Мы рассчитывали лишь на мускульную силу людей и лошадей. У моего деда по отцовской линии была одна лошадь. Обладание двумя лошадьми уже считалось признаком достатка.

Жители деревни были суровы, молчаливы, по воскресеньям они ходили в церковь, а когда могли, то заглядывали в бистро. По достижении мальчиком того возраста, когда он мог уже уйти из школы и пойти работать на завод или в поля, ему дарили сигарету и часы как атрибуты взрослого мужчины. Горизонт жителей не простирался дальше деревни. Здесь завязывались дружба и романы, здесь они работали, здесь росли их дети.

В этом закрытом мире мы, дети, жили свободно, никогда ничего не боялись, доверяли друг другу. Весть о наших проказах и проступках передавалась по сарафанному радио, и нас тут же наказывали. Религия давала нам четкие представления о праве, морали, истине. Все деревенские дети держались вместе. Мы росли на улице и в полях. И только мечты у нас различались.

Мой отец был типичным жителем этой деревни. Рациональный, твердо стоящий на ногах, упорный труженик, верующий человек. Очень добрый и понимающий. Он проложил для меня жизненную дорогу, основанную на таких ценностях, которые дали мне невероятную силу перед лицом любых испытаний и худших предательств. Он был из тех многочисленных «недобровольцев», кого силой забрали в армию, чтобы сражаться рядом с немцами против своей страны. Он ничего не рассказывал о войне, но я всегда восхищался его смелостью, деликатностью и знал, через какие ужасные испытания ему довелось пройти. Я родился уже после войны, 22 октября 1949 года. Мое детство, как и у всех в тех краях, было пропитано послевоенным настроением. Эта трагедия не обошла стороной ни одну семью.

Мой отец с 14 до 17 лет работал на заводе «Бугатти», затем в бистро вместе с мамой, а потом создал фирму по продаже запчастей. У него не было ни одного отгула, ни одной недели отпуска. Его день начинался в 7 утра в бистро, затем он

был занят на фирме, а возвращаясь оттуда в 8 вечера, он продолжал работать в бистро. Именно там проходили собрания футбольного клуба, вывешивались результаты матчей и расписание будущих встреч. Каждую среду по вечерам комитет созданного в 1923 году клуба определял в бистро состав на воскресный матч. Насмотревшись на наши постоянные игры и почувствовав, что в нашем увлечении нет ничего дурного, отец сформировал детскую команду, в которой мы с братом и начали играть.

Нет сомнений, что отец любил футбол, хотя никогда не говорил об этом. Он считал это формой досуга, порождающего некоторое оживление в деревне, приятным развлечением, интересной баталией. Но ни для него, ни для других жителей деревни футбол не был мечтой, страстью, заполняющей всю жизнь. Они с матерью никогда не мечтали о том, чтобы я стал футболистом – это было невообразимо. Не думал об этом и мой брат. У него были способности, он играл центрального защитника или полузащитника. У него было все, но не хватало какого-то ключа, щелчка, веры. Для всех них футбол был формой досуга. И все. Не профессией. Профессия – это что-то более серьезное, это позволяет зарабатывать на жизнь, футбол тут ни при чем. Вспоминаю, что у нас царила атмосфера тяжелого труда и развлечения: и в то, и в другое мы погружались целиком.

В детстве я был исключительно свободен и зачастую одинок. Мама рассказывала: «Мы оставляли тебя в комнате и не занимались тобой». Может быть, отсюда происходит моя независимость? Я вырос между школой, полем и церковью, играя в уличный футбол везде, где было можно, – во дворе, в садах. Он меня многому научил. Я играл так же, как и все остальные дети, как мой старший брат, как мужчины из моей деревни, как мне говорили играть дядья с маминой стороны. Но футбол уже занимал все мои мысли и постепенно превращался в навязчивую идею.

Почти самое раннее воспоминание: я смотрю, как играет наша команда, я стою в стороне, наблюдаю с верой и страстью, я принес с собой молитвенник и молюсь о победе. Мне лет пять-шесть. Возможно, несмотря на юный возраст, я уже знал, что мы не очень хороши и что для победы требуется чудо, помощь Господа, поддержка моей веры. А может быть, несмотря на юный возраст и нереальные мечты, я знал, что футбол станет моей единственной религией, моей единственной надеждой: выиграть матч, одержать победу, провести красивую, достойную игру? Годы спустя я сменил молитвенник на хороших игроков и хорошую подготовку, а в надежде победить стал опираться больше на разум,

чем на веру.

Еще одно воспоминание хорошо иллюстрирует ту надежду на победу. Зачастую я проводил несколько часов в поле вместе с крестьянином, который разрешал мне работать вместе или отдыхал, пока я чем-то помогал ему. Его звали Адольф Коше. Он говорил о футболе, комментировал неутешительные результаты команды, пересказывал матчи. Однажды он вообразил, что он великолепный игрок, с которым команда достанет до звезд или просто наконец выиграет. «Вот увидишь, малыш, я сыграю в следующем матче». Несколько дней я ждал следующего матча, воображал, как он играет, представлял, какие голы он забьет. Но он соврал и не сыграл в следующем матче. Все рухнуло. Это я был тем малышом, который мечтал победить во что бы то ни стало, который думал только о победе, только о том, чтобы стать первым.

Бистро моих родителей было пульсирующим сердцем деревни. Оно было похоже на все эльзасские бистро: открыто каждый день, обогревается печкой, расположенной по центру, два десятка столов заполнены мужчинами, пьющими пиво кружку за кружкой, курящими «Голуаз» без фильтра и беспрестанно говорящими о футболе – своя команда, соседская, будущий соперник, любимая команда, то есть, «Расинг» из Страсбурга, который воспламенял их души, заставлял брать еще одну кружку пива, закуривать сигарету, а зачастую кричать, драться и падать.

Это бистро, «Золотой крест», послужило мне школой: я слушал разговоры, подмечал, кто громче всех говорит, кто врет, кто выпендривается, а кто скромничает, слушал их прогнозы, возмущения, анализы. Значение имели не слова, а поступки. Не помню ни одной книги о футболе, ни одного журнала с фотографиями любимых игроков. Помню только этих мужиков, оравших, пока мой отец молчаливо стоял в стороне. Я шел через зал, потом, лет в 10–12, начал подавать на столы и постоянно слушал, наблюдал, старался понять. Моя любовь к игрокам и тренерам, страстно увлеченным игрой, мое желание их слушать и отгадывать, какими людьми они являются, проистекает из внимания к клиентам нашего бистро, жителям нашей деревни. Именно от них я перенял страсть, оставив в стороне все излишества: алкоголь, драки, склоки – все то, что меня пугало и отвращало в детстве. Мне было сложно видеть, как люди, которыми я восхищаюсь, клиенты моего отца, так напиваются и становятся драчливыми. Их надо было удерживать. Это шокировало. Но это же и придало мне сил, и одарило невероятным чутьем.

Когда я выходил из прокуренного зала, то поднимался на второй этаж, в квартиру, где мы жили. Мы были настоящей семьей, хотя тогда я и не понимал значения этого слова. Родители работали с утра до вечера, оба в бистро или мама в бистро, а отец на фирме по продаже запчастей для машин в Страсбурге. Они начали работать в 14 лет. Мать рано осталась сиротой. Они служили для меня примером мужества, упорства. Они были терпеливы и никогда не жаловались. Мы никогда не ели вместе и редко разговаривали. Моя сестра была на десять лет старше меня, а брат – на пять. Я был самым младшим. Меня стремились защитить, но одновременно и оставляли разбираться во всем одного, чтобы я наблюдал и подражал, стараясь повзрослеть как можно быстрее.

На каждом этаже нашего дома у меня был оборудован идеальный пост наблюдения. Невидимый ни для кого, я подмечал все ошибки старших, брал у них лучшее – опыт, увлечения, страсть к труду, осознавал их жизненное мужество, вкус к простой, скромной, ясной жизни людей, чьи мечты ограничены их территорией, людей, которые не могут никуда уехать. Я был любопытным, мне не терпелось открывать другие города, регионы, знакомиться с другими людьми. Я догадывался, что образ жизни, привычки, убеждения окружающих меня людей скоро изменятся. Я чувствовал, что хочу ускользнуть из этого мира, пусть даже рискуя нести за это груз вины. Я не бросал его. Деревня оставалась моим миром, но, конечно, родители, брат и сестра тяжело переживали мое отдаление, мое увлечение, поглотившее меня целиком. Они никогда не говорили мне об этом. Они были скупы на эмоции и не высказывали ни жалоб, ни тем более упреков. Думаю, сложнее всего пришлось моему брату. Но мы сохранили близкие отношения, и, когда я работал в «Арсенале», он смотрел все матчи и если считал, что я совершил ошибку, то ругал меня на правах старшего.

В деревне не происходило ничего особенного, и я временами задаюсь вопросом, не от недовольства ли этим зародилось мое увлечение: крохотный мир, редкий обмен словами, поражения нашей команды, поле, мало походившее на футбольный газон, как в Страсбурге, куда один из дядьев – и никогда отец – возил меня дважды в год, слезы, что я лил после каждого проигрыша.

О детстве у меня сохранились очень четкие воспоминания.

Мы играли на улице.

Мы играли без формы, без тренера, без судьи. Отсутствие манишек было полезно, потому что заставляло держать голову поднятой и развивать периферическое зрение, а также умение различать своих вдалеке. Игра без тренера в молодости полезна тем, что позволяет развивать инициативную манеру. Не впадаем ли мы сегодня в дурную противоположность?

Команды формировались случайным образом или по желанию двух капитанов, выбранных на данный матч. Чаще всего ими становились два лучших игрока. Я играл с ровесниками, многие из которых остались близкими друзьями, – Жозефом Метцем, братьями Бурели, Гайстели, Югом Шалем. Мы были похожи, ходили в одну школу, говорили на одном языке. Но я играл и с ребятами постарше, ровесниками своего брата или даже старше его. Когда мы играли с ними, то приходилось быть отважным, хитрым, бесстрашным. Я очень быстро понял, что умею находить общий язык и быть принятым как в компании ровесников, так и среди старших.

Мы инстинктивно чувствовали, кто хорошо, удачно сыграл, на кого можно рассчитывать.

Мы играл ради удовольствия, и это ценилось не меньше победы.

Матчи нередко заканчивались оскорблениями, стычками и даже травмами. Травмированного менять было нечем, он становился левым нападающим и доигрывал, стиснув зубы.

С братом мы постоянно тренировались: в комнате, на улице перед домом, в саду за бистро. Но при этом не разговаривали. Он считал меня маленьким. Лучшим средством оставаться рядом с ним было играть в футбол, и играть хорошо.

Мы шли пешком до того места, которое у нас считалось стадионом, а если мы играли против команды из другой деревни, то шли пешком туда, переходя из одного мира в другой. Это был футбол скромных любителей – великолепный, свободный, радостный, страстный. Матчи иногда прерывались, когда кому-то из нас надо было идти по своим делам, обедать или на церковную службу, что меня особенно бесило. Это была школа смекалки, упорства, духа инициативы, страсти и физического напряжения. Я ей многим обязан.

В конце сезона мы организовали турнир между четырьмя командами. Священник благословил команды, игроки переоделись в бистро моих родителей и пошли по деревне. Это был наш чемпионат мира. Было так много радостного, что этот эпизод остался в моей памяти навсегда. Вспоминая те годы, я думаю, до какой степени страсть, увлечение поощряются лишениями и чувством неудовлетворенности. На протяжении своей карьеры я встречал многих игроков, выброшенных из системы, для кого футбол стал несбыточной мечтой, но затем они вернулись в него через парадную дверь: Жиру, Косьельны, Канте, Рибери и т. д.

Я вспоминаю историю, рассказанную одним сербским игроком, которого я очень люблю. Ему довелось жить в такой же деревне, как и мне, только еще беднее, вдалеке от всех, в югославской глуши. Когда он был маленьким, дядя подарил ему мяч – новый, белый, восхитительный. Боясь его испортить, они с братом решили, что не будут позволять ему падать на землю, а играть будут только головой. Мяч был один, его надо было беречь, его надо было хранить. Во время одного из матчей его заметил тренер из белградской «Црвены Звезды». Его выбрали благодаря качествам, рожденным в этой необычной игре головой. Каким игроком он стал бы, если бы у него в распоряжении было двадцать мячей?

Не испортить подаренный мяч, постоянно играть и упорной тренировкой развивать свои сильные стороны – вот что мне нравится в этой истории. Для меня белый мяч также всегда оставался священным.

Это мой родной футбол. Каким бы игроком и тренером я стал, если бы у меня были увлеченные, подбадривающие меня родители, если бы с пяти лет я занимался в футбольных школах с тренером и четкими инструкциями, если бы я прочитал все учебники и посмотрел все возможные матчи по телевизору? Я не смотрел футбол по телевизору, потому что у нас не было телевизора. Только иногда в школе. Каждый ребенок приносил по одному франку, и мы смотрели матчи по черно-белому телевизору. Вероятно, именно там, в школе, в 11 лет[1 - Финал состоялся 13 мая, поэтому если быть совсем точным, то Арсену в этот момент было еще 10. – Здесь и далее прим. пер.] я увидел финал Кубка европейских чемпионов 1960 года, когда мадридский «Реал» обыграл франкфуртский «Айнтрахт» со счетом 7:3. В те времена главной командой для меня были «Расинг» из Страсбурга и команда из немецкого Мёнхенгладбаха. Но «Реал» меня покорила. Я решил, что он самый сильный, самый красивый, самый впечатляющий из всех клубов. Все игроки были в великолепной белой форме. Они выиграли Кубок европейских чемпионов пять раз подряд. У «Реала» были

игроки, которыми я восхищался, – Копа и Ди Стефано. Он был настоящим клубом мечты. Многие годы спустя мне дважды предлагали стать тренером «Реала». Отказывать клубу своей детской мечты – это ужасно. Но у меня была своя миссия в «Арсенале», данное мной слово и подписанный контракт. Думаю, я был тренером, чаще других говорившим «нет» – «Пари-Сен-Жермен», «Ювентусу», сборным Франции и Японии. Каждый раз это было сложно, но у меня были обязательства, а уважение к данному слову, я уверен, осталось у меня из глубокого детства.

Футбол был далеким, недостижимым миром, и никто из близких и знакомых не мог представить, что когда-нибудь этот мир станет моим, станет моей жизнью. Когда я открывал упаковку жвачки, там были фотографии игроков. Они были моими звездами, моими кумирами, и в глубине души я надеялся с ними познакомиться. Я надеялся, что футбол займет главное место в моей жизни, потому что без этой мечты я, безусловно, остался бы несчастен. В отличие от других, я хотел выбраться из своей деревни, выйти на настоящий газон, познать настоящие битвы.

Это были счастливые годы.

Когда я беседую с игроками, приехавшими издалека, особенно из Африки, я всегда помню о том капитальном значении, которое имеет детство игрока. Я выясняю, где он рос, как эти условия сформировали его тело и характер. Детство в Эльзасе снабдило меня определенными правилами, определенной моралью и выдержкой. И точно так же оно повлияло на меня и в физическом плане. Некоторые следы сохранились до сих пор. Например, у меня есть впадина в верхней части позвоночника, и, глядя на нее, некоторые врачи говорили, что в сорок лет я окажусь в инвалидном кресле. Считалось, что она появилась от того, что я таскал очень тяжелые мешки с углем. Впадина сохранилась, но она не помешала моей карьере игрока, и я до сих пор хожу на своих двоих.

Разумеется, чтобы стать хорошим футболистом, необходима высокая техника, а она приобретается в детстве, между 7 и 12 годами. Но одной техники недостаточно. Не бояться, уметь брать инициативу на себя, быть выносливым, стойким, командным, немного сумасшедшим, иметь адскую страсть к игре – уверен, что все это также приобретается в юности.

Уже в детстве я обладал сильной жадью к самопознанию, определению и преодолению своих границ. И футбол стал инструментом такого преодоления. Я

не хотел мириться со своими физическими и ментальными недостатками, я хотел их осознать и преодолеть. Когда я приехал из деревни, то говорил только по-эльзасски, мало что понимал в школе и совсем не работал. Родители были очень заняты, я получил свободу и в школе вел себя как «турист». Но к счастью, в пятнадцать лет я взялся за ум и самостоятельно освоил всю программу. Я понял, что, работая, могу стать лучше. Я сдал экзамен на бакалавра[2 - Во Франции выпускной школьный экзамен называется «бакалавриат» – экзамен на бакалавра.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Финал состоялся 13 мая, поэтому если быть совсем точным, то Арсену в этот момент было еще 10. – Здесь и далее прим. пер.

2

Во Франции выпускной школьный экзамен называется «бакалавриат» – экзамен на бакалавра.

Купить: https://tellnovel.com/ru/venger_arsen/moya-zhizn-v-krasno-belom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)